

Борис Верхоустинский

Птица-чибис

Борис Верхоустинский

Птица-чибис

«Public Domain»

1912

Верхоустинский Б. А.

Птица-чибис / Б. А. Верхоустинский — «Public Domain», 1912

«Тяги пришлось ждать недолго. «Эк-э-эк»! – слышались голоса вальдшнепов, и над просекой, где притаились охотники, медленно пролетела длинноклювая птица. Самый молодой из охотников, в студенческой тужурке и в длинных сапогах, почти одновременно выстрелил из обоих стволов, но промахнулся...»

© Верхоустинский Б. А., 1912

© Public Domain, 1912

Борис Верхоустинский

Птица-чибис

Тяги пришлось ждать недолго. «Эк-э-эк!» – слышались голоса вальдшнепов, и над просекой, где притаились охотники, медленно пролетела длинноклювая птица. Самый молодой из охотников, в студенческой тужурке и в длинных сапогах, почти одновременно выстрелил из обоих стволов, но промахнулся.

– Чертова кукла! – проворчал он вдогонку птице, даже не изменившей от выстрела плавности полета.

Клубы сизого дыма поползли над просекой. Два других охотника насмешливо взглянули на неудачника. Где ему!

Охотники, – студент, мужик и земский фельдшер, стояли почти на одинаковом расстоянии друг от друга. Каждому хотелось положить почин, но у дяди Семеныча одноствольная шомполка давала безбожные осечки, а у фельдшера дрожали руки, да и бывшую с ним собаку приходилось часто осаживать, что ему также мешало.

– Стрелки тоже! – пробормотал дядя Семеныч, прислушиваясь, и замер, как истукан, в суровой, выжидательной позе.

Солнце закатывалось. В лесу быстро темнело, дневные пичуги замолкали, лишь кукушка отсчитывала чьи-то года, да козодой все никак не мог уgomониться, и – то здесь, то там попискивал, словно пилил крошечными пилками крошечные листики железа. Порою проскальзывал слабый ветерок, шуршал зеленою листвою, и казался тихим лепетом дремлющего леса.

Бац! бац! – выпалил фельдшер; глупая собака взвизгнула и заметалась из стороны в сторону, а у студента от неожиданности ружье чуть не выпало из рук. Этакая скотина этот фельдшер! Впрочем, слава Богу, он тоже не попал.

Теперь студент, в свою очередь, насмешливо взглянул. Эге! Оказывается, и фельдшер мажет по горе-охотничьи. А хвастун, – я, говорит, прицелист, ружье у меня, говорит, чек-борное – страсть сколько дичи этим самым ружьем на моем веку перехлопано. Вот тебе и прицелист!

Вальдшнепы же тянули исправно. Дядя Семеныч несколько раз вскидывал самопал к плечу и, свирепо нахмурившись, прицеливался, но подлая шомполка давала осечку за осечкою.

– Господи! Неужели я не убью ни единого стервеца! – сокрушенно подумал студент. – Ну, что, как ружьишко дяди Семеныча выпалит?

– Эк-э-эк! – внезапно слышалось вдали. Раньше студент принимал этот звук за лягушечье кваканье, но теперь он освоился и знал наверняка, что приближается вальдшнеп.

– Эк-э-эк! – раздалось почти над самою головой. Кровь в студенте отхлынула от сердца, весь он вытянулся, побледнел и впился пальцем в собачку.

Летит!

Грузно, лениво вылетела брачующаяся птица на просеку. Студент прицеливался долго и подпускал ее поближе к себе, чтобы бить без промаха. Но вальдшнеп, заметив его, стал сворачивать. – А-а! Вот ты как!.. Не уйдешь, милый!

Студент нажал собачку, оглушительный выстрел прокатился по просеке и мгновенно замер; вальдшнепа не было видно в клубах стелющегося дыма. Неужели мимо? Нет! – в траве, у ног охотника, что-то билось и трепетало... Она, птица, летевшая на любовное свидание!

Студент поднял раненого самца за ноги и размозжил ему голову о приклад ружья. Не уйдешь, брат! Фельдшер и дядя Семеныч завистливо посмотрели в сторону победителя, а глупый пес опять взвизгнул так, что фельдшер раза два полоснул его арапником вдоль спины.

И вновь на просеке затихло. Кукушка на время перестала куковать. Лишь неугомонный козодой, испугавшись выстрела, запищал быстрее, как бы норовя допилить нужный ему кусочек железа.

Пальцы студента были в крови, – какая она липкая!

Он брезгливо поморщился.

Тьма сгущалась, деревья принимали сказочные очертания.

К засаде птицы больше не приближались, – дядя Семеныч зря настораживался, прислушиваясь к каждому шороху: очевидно, вальдшнепы тянут в другом месте и уже успокаиваются.

В тщетном ожидании охотники простояли еще с добрый час.

– Ни черта боле не выдет, ну его к лешему! – рассердился дядя Семеныч, когда в лесу совсем потемнело.

– Ничего не выйдет! – согласился и фельдшер, вскидывая ружье на плечо. – Пойдемте, господа, здесь не выгорит. Цезарь! Цезарь, сволочь паршивая! Назад!..

Студент торжествовал. Вот так раз, старые охотники – ни пуху, ни пера, а он, новичок, – с дичиной. Небось, сердятся... Ха-ха-ха!

Он закурил папироску, весело шагая за дядей Семенычем, знавшим в лесу все ходы и выходы. Каждую весну дядя Семеныч таскается по мхам, болотам и просекам; про себя он говорит, что стрелок на редкость, и что, если бы не проклятые осечки, он нанашивал бы во сколько дичи... А дяде Семенычу надо верить: борода у него окладистая, как у кучера; брови могучие, вроде двух усин, и даже из носу у дяди Семеныча лезут волосы.

– Позвольте прикурить, Леонид Алексеевич! – попросил фельдшер, останавливаясь.

Студент вынул из кармана коробок и черкнул спичкой:

– Пожалуйста.

– Н-да-с, подвезло вам, подвезло. Достоинно удивления: неопит в этой области, если можно так выразиться, и вдруг – представьте себе, прямехонько вальдшнепа. Твердость руки! Завидная меткость!

– Ну, ну! – улыбнулся студент, – чего там. Дуракам счастье, – знаете поговорку, так вот...

– Как можно, Леонид Алексеевич! – укоризненно ответил фельдшер. В данном случае, простите меня, ваша поговорка не уместна. Вы человек образованный, с интеллигентным складом мышления, так сказать, какой же дурак, помилуйте.

– Да я себя за дурака и не считаю! – лениво отозвался студент, – этакий вы чудак, все всерьез принимаете.

Фельдшер переменил тон на назидательный:

– Потому рассуждаю так, что словам придаю многозначительное значение. Слово такая вещь, что иной раз убьет хуже ножа, хуже обуха. Да-с! Не воробей, вылетит – не воротишь. Это я так, безотносительно к нашему разговору. Понимаете?

– Понимаю.

– Знаете, Леонид Алексеевич, – фельдшер глухо кашлянул, – я, можете себе представить, атеист, индивидуум лишенный веры в разумное существо, координирующее наши волевые поступки. Да-с, бог – это я, иного не признаю, а умру – и прах мой могу пожертвовать даже на салотопенный завод. Все равно... Но слову придаю бо-ольшое значение. Простите, что назойливо напрашиваюсь на разговор, а только сейчас такое пессимистическое настроение.

Студент почувствовал себя неловко:

– Пожалуйста, пожалуйста, я вас слушаю с большим удовольствием... Лишь бы не отстать от дяди Семеныча.

– Не отстанем!

Фельдшер перекинул ружье за другое плечо.

– Можете себе представить, читал я Библию, и там слова: «Вначале бе Слово» – весьма замечательно сказано, и из-за этого гибнем. Слово – это душа каждого поступка. Да-с, именно

душа. Но, представьте себе, всегда случается так – слово сказано, а дело еще не наступило, а когда наступит дело, от слова остались одни воспоминания. Сперва из ружья вылетает дым и огонь, а грохот позднее, и никогда вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.